

Проблемы картографии ценностей в исследованиях памяти и реконструкции

Федор Николаи

Доктор философских наук, доцент.

Старший научный сотрудник.

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород).

Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина 23.

E-mail: fvnik@list.ru

Аннотация. В статье проводится компаративный анализ ценностных установок «мемориального бума» и движения исторической реконструкции. Доказывается, что картография различных практик коммеморации возможна лишь на стыке исследования ценностных ориентаций и наложения рамок памяти, ведущего в 2000-е годы к росту антагонизмов и конфликтов. Важной частью такой картографии может стать анализ сообществ исторической реконструкции. Само понятие реконструкции становится предельно показательным для характеристики современного отношения к прошлому: оно фиксирует значительный отход от характерной для memory studies конструктивистской парадигмы, на смену которой идет частичное возвращение к ранкеанскому реализму и одновременно (в духе «постправды») парадоксальное признание невозможности такого возвращения. Это противоречие, как и амбивалентность отношений экспертного знания о прошлом и популярной культуры, не признающей статус экспертов, смягчается в движении исторической реконструкции за счет ее игрового характера – набора конвенциональных правил, которые могут варьироваться в зависимости от ситуации. Фундаментальной чертой исторической реконструкции оказывается слабая рефлексивность, способствующая вытеснению этического пафоса и ценностно-рациональных суждения, характерных для «бума памяти» 1980–1990-х годов, эмоционально-аффективным и традиционным действием по привычке.

Ключевые слова: исследования памяти, историческая реконструкция, теория практик, исследования культуры, картография ценностей

Для цитирования: Николаи Ф. В. (2024). Проблемы картографии ценностей в исследованиях памяти и реконструкции // Patria. Т. 1. № 1. С. 91–103

Эта статья представляет собой, с одной стороны, размышления по итогам не очень удачного проекта социологического исследования современных практик коммеморации в новых медиа, которым мы с нижегородскими коллегами занимались в 2022–2023 годов. Основной трудностью в рамках проекта стала невозможность устойчивой классификации этих практик ввиду их фонового характера, неотрефлексированности акторами и предельной гибридизации памяти в новых медиа. Эти трудности, вполне ожидаемые с точки зрения теории практик (Волков, Хархордин, 2008), связаны с более общим вопросом о неизбежном разрыве между дискурсивными языками описания явлений и традиционным действием «по привычке», преобладающим в повседневной активности. Поэтому задачей данной статьи представляется проблематизация перспектив согласования этих противоречий и выработка гипотез среднего уровня для еще одного исследования, в центре которого находятся трансформации представлений и практик работы с прошлым в сообществах реконструкторов.

С другой стороны, эти практические задачи поднимают вопрос о причинах столь широкого распространения в 2000-е годы исследований памяти,

культурного наследия (Колесник, Русанов, 2022; Мочалова, 2020; Эшворт, 2017) и реконструкции (Клюев, Свешников, 2019; Agnew, Lamb, Tomann, 2019) при весьма скромных результатах многочисленных исследований их сторонников. Напомним, что «бум памяти», продолжающийся уже более 30 лет, включает огромное количество междисциплинарных исследований на стыке истории, философской антропологии, социологии и исследований культуры. В последние годы в рамках этого огромного поля все большее внимание исследователей привлекают вопросы политики памяти, включая интернализацию неолиберальной «гувернаментальности» (Миллер, Ефременко, 2020; Antweiler, 2024; Malksoo, 2023); трансформация практик коммеморации под влиянием новых медиа и цифровой культуры (Артамонов, 2023; Дриккер, 2022; Павловский, Миллер, 2023); эмоциональная составляющая памяти и ностальгии (Bozoğlu, 2020; Frihammar, Silverman, 2019; Smith, Campbell, 2017).

Однако вопрос о ценностях – насколько они меняются, какую роль играют в рамках «мемориального бума» и роста популярности исторической реконструкции – практически не рассматривается исследователями. Хотя именно механизмы их конструирования представляются одним из ключевых аспектов, отличающих исследования реконструкции от *memory studies*, поскольку эти механизмы маркируют переход от этического императива, осознанной апелляции к культурному канону и направленных на общее благо рациональных суждений в публичной сфере к эмоционально-аффективному обыгрыванию границы между приватным и публичным и росту неотрефлексированного (традиционного) действия по привычке.

Сообщества идентичности 2000-х годов в оптике *memory studies*

Существующие варианты периодизации *memory studies* (Сафронова, 2018; Berger, Niven, 2020) создают иллюзию устойчивого прогресса этого поля исследований и «устаревания» некоторых подходов. Тем не менее, периодизация позволяет охарактеризовать динамику специфического языка (само)описания, во многом соответствующую изменениям общества позднего модерна. Эта двусторонняя взаимосвязь пока не становилась предметом философского анализа. Но именно она, на наш взгляд, объясняет многие отличия современных «сообществ идентичности» с характерной для них «тиранией ценностей» и агонистической политикой памяти от ситуации первой половины XX века или даже 1980-х годов.

А. Ф. Филиппов справедливо отмечает:

Язык ценностей становится всё более распространённым: где раньше говорили о благах, об интересах, там появляются ценности, и вот уже общественная жизнь превращается в арену столкновения групп, каждая из которых сообщает о своих ценностях и претендует на их значимость, то есть на то, чтобы её, группы, требования были удовлетворены. Вместо согласования интересов, каждая группа настаивает на исключительном достоинстве своих ценностей, поступиться которыми невозможно. В конечном счёте люди говорят о том, что есть объективно высшие ценности, ради которых не зазорно вести войну на уничтожение (Филиппов, 2023: 53).

Каким образом связаны между собой эти процессы – «мемориальный бум» и новая «тирания ценностей»?

Напомним, что в своей знаменитой работе «Социальные рамки памяти» (1925) М. Хальбвакс доказывал, что индивидуальная память полностью зависима от коллективных представлений: «Наш ум реконструирует свои воспоминания под давлением общества» (Хальбвакс, 2007: 148). Рамки памяти имеют четкие социальные функции: они поддерживают статус семьи, профессиональных сообществ и классов, обеспечивая внутреннюю солидарность каждого социального слоя и, что принципиально важно для М. Хальбвакса как ученика Э. Дюркгейма, *общества в целом*. Рост органической солидарности и развитие общества в эпоху модерна ведут к усложнению социальных связей, поэтому рамки памяти накладываются друг на друга и меняются в соответствии с текущими интересами. «Общество стремится устранять из своей памяти все, что могло бы разделять индивидов, отдалять друг от друга группы; в каждую эпоху оно перерабатывает свои воспоминания, согласовывая их с переменными факторами своего равновесия» (Хальбвакс, 2007: 334). В конечном счете, ключевую роль играют интересы всего общества, конструирующего пространство воспоминаний как единое поле отношений, добродетелей и ценностей.

В 1980-е годы эти идеи получили свое продолжение в проекте П. Нора «Места памяти», посвященного взаимосвязям социальной и национальной идентичности. Подчеркнем два важных момента. Во-первых, идеи М. Хальбвакса остались в чисто теоретической плоскости: у него не было учеников или последователей, которые бы подтвердили их, используя прикладные социологические исследования, – проверили бы гипотезу о соотношении социальных рамок памяти тех или иных социальных групп и общества в целом. А во-вторых, в Германии, Великобритании и США в 1980-е годы начали развиваться – параллельно с линией обсуждения интеллектуального наследия Э. Дюркгейма – иные версии *memory studies*. В частности, для Яна Ассмана оказались важны не столько социальные классы или солидарность всего общества, сколько *экспертные сообщества*, сакрализирующие канонические тексты для поддержания культурных традиций. С этой точки зрения, культурная память задает ценность отдельных образов и самой системы пространства-времени через соотношение с канонами – нормативной системой представлений, сформированных в прошлом и не связанных напрямую с современными социальными интересами:

Всякое обращение к традиции с целью отбора, то есть всякий акт рецепции, является одновременно признанием специфической системы ценностей. Рецепция и утверждение ценностей взаимообусловлены. Поэтому понятие канона не случайно относится и к тому, и к другому. Оно позволяет по отношению к неприкосновенному корпусу священных текстов сразу и назвать его жизнеорганизующую, определяющую, ориентирующую функцию, и указать, в связи с критериями и непременимыми ценностями художественного творчества, в то время на *произведения*, в которых образцово воплощены эти ценности (Ассман, 2004: 128).

Именно культурный канон и его поддержание/интерпретация/ревизия ведущими экспертными группами стабилизирует коллективные идентичности. Как и у М. Хальбвакса, личные воспоминания и персональные идентичности вторичны в этой концепции: они формируются через усвоение канона и телесное воплощение «всех ролей, свойств и компетенций,

которые приобретает отдельный человек через вхождение в конкретную данность общественного устройства. <...> Как социализация, так и складывание индивидуальности, протекают в предначертанных культурой формах» (Ассман, 2004: 141).

В 2000-е годы ситуация в *memory studies* радикально меняется: растет конкуренция акторов самого разного уровня (глобального, национального и локального) – представителей разных поколений и частей среднего класса, все сильнее расслаивающегося под воздействием экономической политики неоллиберализма и интерпелляции со стороны общества потребления. При этом резко возрастает и неопределенность социальных рамок памяти. Даже Алейда Ассман, подчеркивающая преемственность культурной памяти (канона) и значимость экспертных сообществ, фиксирует усиление поколенческих различий, не сводимых к солидарности общества в целом: «Каждое поколение вырабатывает собственное отношение к прошлому, не позволяя предшествующему поколению навязывать иную точку зрения. Столь отчетливо ощущаемые трения внутри социальной памяти обусловлены типичными для разных поколений ценностями и потребностями, которые задают определенные рамки для воспоминаний, имеющих, впрочем, ограниченный срок значимости» (Ассман, 2014: 23–24). С другой стороны, для А. Ассман принципиально важна транснациональная память – моральное сообщество, которое проявляет себя именно через апелляцию к ценностям: «Моральное сообщество, дистанцируясь на основе социально-гражданских ценностей от виктимизирующего насилия, охватывает в пределе все человечество, поскольку базируется на универсальных ценностях человеческого достоинства и уважения к физической неприкосновенности человека» (Ассман, 2014: 94). Кроме того, А. Ассман, С. Бойм, П. Рикер, Н. Самутина и целый ряд других исследователей убедительно доказывают, что некоторые формы памяти (и прежде всего рефлексивная ностальгия) предполагают активность именно отдельных людей, а не транснационального сообщества или социальных групп: «Отчуждение и чувство дистанции побуждают такого ностальгирующего субъекта рассказывать свою персональную историю, повествовать об отношениях между прошлым, настоящим и будущим» (Бойм, 2019: 119). Отдельно отметим, что для исследователей памяти в 2000-е годы принципиальным оказывается отличие темпоральных установок и неопределенность границ между прошлым, настоящим и будущим, которая также становится частью растущих нестыковок и агонистических практик коммеморации.

Популярная культура нивелирует роль экспертов, уравнивает в правах всех пользователей, действующих на стыке производства и потребления. При этом роль индивидуальных акторов в современных медиа оказывается неразрывно связана с машинными алгоритмами, которые предлагают и навязывают определенные стратегии индивидуации. Как справедливо отмечает известный немецкий исследователь памяти Вулф Канштайнер:

Цифровая память больше не развивается по линии индивидуальное-коллективное. Партиципаторная цифровая культура предполагает, что активные пользователи постоянно публикуют, редактируют, ставят лайки и делают ссылки в поисках гибкого «мь», и одновременно создавая и демонстрируя привлекательное «я». Эта работа тре-

бует интимного, эмоционального и симбиотического отношения к цифровым технологиям, и зачастую именно машина диктует ритм коммуникации (Kansteiner, 2020: 68).

Наконец, многие теоретики *memory studies* (особенно Ш. Бергер и А. И. Миллер) подчеркивают сохранение значимости национальных акторов и государств как важнейших институтов воспроизводства памяти (Berger, Niven, 2021: 5).

Таким образом, рост самостоятельности акторов самого разного уровня ведет к нестыковкам социальных рамок памяти и росту конфликтов между ними, неизбежно проявляющихся и на ценностном уровне. Все эти нестыковки и наложения рамок делают крайне сложным пространство взаимодействий между полюсами индивидуального и коллективного, частного и публичного. Оно меняется в двух основных измерениях: происходит внутренняя дифференциация среднего класса, представители которого в рамках нелиберальной микрофизики власти стремятся улучшить свое положение одновременно в социальном и культурном плане. Попытка классифицировать эти стратегии по уровню напряжения/конфликтности на агонистические, транснациональные и антагонистические культуры памяти (Bull, Hansen, 2015) мало что дает. Они во многом переплетаются, в равной степени работая на мобилизацию не столько через рациональные политические суждения, сколько через неотрефлексированные (аффективные и эмоциональные) механизмы, составить четкую картографию или типологию которых в рамках *memory studies* пока не представляется возможным.

Для разработки такой картографии имеет смысл вернуться к эмпирической проверке идей М. Хальбвакса с поправкой на исследования ценностей в социологических теориях второй половины XX века. Безусловно, это огромное исследовательское поле требует отдельного разговора, выходящего далеко за рамки данной статьи. Поэтому выборочно рассмотрим лишь те концепции, которые максимально позволяют зафиксировать отличия сообществ идентичностей 2000-х годов и прояснить растущий конфликт ценностей.

Проблемы картографии постматериалистических ценностей и теория практик

Одним из наиболее известных проектов картографии ценностей является лонгитюдное исследование Р. Инглхарта, который фиксирует на рубеже XX–XXI веков переход от материальных ценностей выживания к постматериальным – ценностям автономии, самовыражения и индивидуальной свободы:

На протяжении большей части истории существования человека выживание зависело от непредвиденных обстоятельств и определялось волей случая. Эта нестабильность определяла жизненные стратегии людей. Население росло до тех пор, пока всем хватало пищи, и большинство людей жили на грани голода. В таких условиях обеспечить выживание группы могли сильная внутригрупповая солидарность, неприятие незнакомцев, подчинение групповым нормам, повиновение сильным лидерам. И наоборот, высокий уровень экзистенциальной безопасности открывает возможности для большей автономии индивида и открытости к разнообразию, изменениям и новым идеям. <...> После Второй мировой войны в экономически развитых странах произошло не-

что беспрецедентное: значительная часть послевоенного поколения выросла, считая выживание само собой разумеющимся (Инглхарт, 2020: 20).

С 1981 г. Р. Инглхарт и его коллеги проводят Всемирное исследование ценностей – опросы и интервью в 100 странах мира. С их точки зрения, постматериалистов именно в 2000-е годы становится больше, хотя в 1980-е их было меньше даже в Европе – в целом в 4 раза, а в старшей возрастной когорте – в 14 раз. Причем различия между ценностями возрастных когорт сохраняются: количество постматериалистов растет именно за счет молодежи.

Однако этот проект, как и многие похожие исследования – например, Г. Хофстеде (Минков, Соколов, Ломакин, 2023) – конструирует некие бинарные оппозиции, но не затрагивает мир доступных потребителям вещей и собственно постматериальные практики потребления (например, алгоритмы коммуникации в новых медиа). Кроме того, исследования Инглхарта не рассматривает проблему темпоральных установок, – отношение к прошлому или будущему сводится здесь к оппозиции «коллективизм vs. индивидуализм». Память при этом оказывается «эффектом колеи» – инерцией старых культурных форм и установок старших поколений: «В некоторых странах перемены наталкиваются на сопротивление культурного наследия, поскольку социокультурные изменения подвержены “эффекту колеи” (path dependent)» (Инглхарт, 2020: 32). С точки зрения Инглхарта, оказывается практически невозможно различить стратегии работы с памятью правых популистов, поддерживающих Д. Трампа, и левых его критиков из поколения 1968 года: они в равной степени устремлены в прошлое.

В этом контексте весьма продуктивным представляется обращение к теории практик, которая интересуется процессами, происходящими на огромном пространстве между полюсами публичного и частного (без их эссенциализации). Практики включают прагматическое соотнесение частных интересов и общественных благ, которое чаще всего осознано лишь частично и представляет собой действие по привычке, опирающееся на владение обыденным языком. В конечном счете практики соотносят между собой определенную (рутинизированную) форму телесных и ментальных действий, вещей и их подручного использования, фонового знания, эмоций и мотиваций, а также различия режимов вовлеченности в эти взаимосвязи. Практики носят фоновый характер и работают скорее на досубъектном уровне, но принципиально важны для выстраивания самоидентификаций. Особенно это касается среднего класса в эпоху позднего (неолиберального) капитализма с его неопределенностью, когда важно не просто выживание или производство товаров, но взаимная конвертация экономического, социального и культурного капитала. В современном обществе потребления практики не просто позволяют снизить уровень скуки и повысить свой статус в рамках определенного сообщества, но становятся инструментом кластеризации потребления и интернализации социальных различий, поскольку предлагают потребителям выбор разных стилей и различные режимы вовлеченности в это потребление.

П. Бурдьё – один из основоположников прагматического поворота – в своей известной работе «Общедоступное искусство» рассматривал

фотографирование как, с одной стороны, нацеленную на поддержание общественной и групповой солидарности универсальную практику. По его подсчетам, 3/4 фотографий делаются на праздниках и в отпусках – они подчеркивают ценность семьи и ее отдыха, противопоставленного трудовой повседневности. С другой стороны, фотография всегда демонстрирует социальные различия: рабочим нравится проявлять фотографии вручную; представители высшего среднего класса гораздо чаще любят абстрактные фото, наделяющие их статусом экспертов и повышающих их культурный капитал; фотографы-любители и одинокие люди из среднего класса гораздо чаще фотографируют животных, пустые городские пространства и так далее. При этом фотография выступает не обособленной культурной практикой, но всегда соотносится с суждениями вкуса в других сферах (кинематографе, моде, выборе музеев и достопримечательностей и так далее), из-за чего Бурдые проводил опросы и интервью представителей разных социальных групп по 26 позициям (Бурдые, Болтански, Кастель, Шамборедон, 2014).

С этой точки зрения исследование практик коммеморации предполагает выявление комплексных связей согласования или отличий в оценках разных типов активности. Обязательной составляющей такого исследования должно выступать прояснение соотношенности этих практик с существующей социальной иерархией, политическими взглядами, ценностно-рациональными суждениями и так далее. Отсылки к универсальной общезначимости памяти здесь возможны не напрямую, но скорее через подручные вещи и мастерство их соотношения в процессе коммуникации.

От практик коммеморации к исследованию исторической реконструкции

Понятие практик коммеморации достаточно успешно использует в своих работах Д. Уинтер – известный специалист по истории Первой мировой войны. Исследователь подробно рассматривает низовую активность «сообществ вымышленного родства» – небольших групп ветеранов, волонтеров и родственников погибших, которые стремились осмыслить свой пограничный опыт, используя «пересборку» господствующих нарративов. Такая пересборка включала в себя активную интерпретацию этих нарративов, исключение спорных и добавление новых деталей, а также соединение того, что кажется несовместимым – траура по погибшим, прагматики выживания, народной религиозности, критики старых элит и так далее. (Уинтер, 2023). Уинтер пытается расширить спектр исторических источников, анализируя не только дневники и воспоминания фронтовиков, но и кинематограф, литературу «потерянного поколения», музеификацию памяти о войне в различных странах.

Однако в его работах речь идет исключительно о XX веке, когда ценности выживания однозначно преобладали над ценностями «постматериальными». Поэтому такая стратегия анализа практик коммеморации не позволяет составить более детальную картографию ситуации начала XXI века, когда для правнуков комбатантов все большую роль приобретают

просмотр сериалов, социальные интернет-сети и видеогри. Более того, целеполагающая установка Уинтера – проработка прошлого (в том числе интеллектуалами) как повышение рефлексивности низовых практик коммеморации, то есть их перевод из полуосознанных установок в сферу рациональных суждений – представляется сегодня все более спорной. Наконец, достаточно произвольным в работах исследователя выглядит отбор медиа-контента (фильмов, публикаций в СМИ, литературы «потерянного поколения» и так далее).

Как уже было отмечено выше, проводить картографию практик коммеморации по задействованным медиа слишком трудно и в плане репрезентативности, и в отношении переплетения этих практик. В данном контексте весьма продуктивным представляется обращение к феномену исторической реконструкции, рост популярности которой фиксируется именно в 2000-е годы (Agnew, Lamb, Tomann, 2019; Agnew, Tomann, Stach, 2023).

Историческая реконструкция интересна обращением к материальности вещей, игровым характером и активной ревизией границ между повседневной и праздничной (фестивальной) культурой. Для анализа практик взаимодействия с прошлым в исторической реконструкции – от бугуртов и костюмированных турниров до театральных постановок и кино (существенно отличающихся между собой в политическом, культурном и когнитивном плане) – представляется необходимым обозначение ряда теоретических гипотез, требующих эмпирической проверки в рамках предполагаемого социологического исследования:

1. Рост популярности исторической реконструкции связан во многом с тем, что игровой характер этой субкультуры смягчает напряжение между конфликтующими рамками памяти (глобальными, национальными, поколенческими и локальными), а также противоречия между историческим воображением и аутентичностью репрезентаций прошлого (которая принципиально важна для культурной памяти).

2. Сообщества исторической реконструкции во многом выполняют компенсаторную функцию в условиях растущей социальной и культурной дифференциации среднего класса, предлагая повышение символического статуса или авторитета (empowerment). Особенно востребованным этот момент оказывается у молодежи, наиболее уязвимой в условиях растущей прекаризации. Такая компенсаторная функция не осознается участниками сообществ (это мешало бы ее работе), но обыгрывается по конвенциональным правилам, поддерживаемым через оффлайн- и онлайн-коммуникацию.

3. Реконструкция предполагает не избегание неопределенности, но ее коммуникативное использование – гибкое переключение режимов вовлеченности и экспертности/профанности высказываний в зависимости от коммуникативной ситуации внутри или вне сообществ. Это также снижает конфликтность субкультуры по сравнению с формируемыми в рамках «мемориального бума» сообществами идентичностей.

4. Столь же гибкий характер свойствен использованию в исторической реконструкции вещей – реплик предметов из прошлого, оказывающихся на стыке аффективности и рефлексивности. С одной стороны, они предпо-

лагают повседневное использование по привычке, а с другой – повышают статус своего владельца, возвышают его над пространством повседневности и переносят в праздничную фестивальную культуру.

Все эти гипотезы отсылают к общему основанию исторической реконструкции, усиливающей эмоционально-аффективные и неотрефлексированные действия по привычке, отодвигающей на задний план этический пафос и ценностно-рациональные суждения, характерные для «бума памяти» 1980–1990-х годов.

Таким образом, и в *memory studies*, и в исследованиях реконструкции предельно актуальным представляется возвращение к эмпирическим социальным исследованиям – социально-антропологическая работа по фиксации практик коммеморации и тактик «приватизации» прошлого. Сравнение и картография различий этих практик возможна лишь в комплексном плане – на стыке исследования ценностных ориентаций и наложения рамок памяти, ведущего в 2000-е годы к росту антагонизмов и конфликтов между сообществами идентичностей.

Важной частью такой картографии может стать анализ сообществ исторической реконструкции. Само понятие реконструкции при этом становится предельно показательным для характеристики современного отношения к прошлому: оно фиксирует значительный отход от характерной для *memory studies* конструктивистской парадигмы, на смену которой идет частичное возвращение к ранкеанскому принципу «как оно было на самом деле» и одновременно (в духе «постправды») парадоксальное признание невозможности такого возвращения. Это противоречие, как и амбивалентность отношений экспертного знания о прошлом и не признающей статус экспертов популярной культуры, смягчается в движении исторической реконструкции за счет ее игрового характера – набора конвенциональных правил, которые могут варьироваться в зависимости от ситуации. Этот же игровой характер исторической реконструкции служит смягчению дифференциации среднего класса, позволяя участникам сообществ претендовать на занятие более привилегированного статуса в условиях роста постматериальных ценностей. Фундаментальной чертой исторической реконструкции оказывается слабая рефлексивность, способствующая вытеснению этического пафоса и ценностно-рациональных суждения, характерных для «бума памяти» 1980–1990-х годов, эмоционально-аффективным и традиционным действием по привычке.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов Д. С. (2023). Медиапамять в эпоху цифры. Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

Ассман А. (2014). Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман Я. (2004). Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры.

Бойм С. (2019). Будущее ностальгии / пер. с англ. А. Стругача. М.: Новое литературное обозрение.

Бурдые П., Болтански Л, Кастель Р., Шамборедон Ж.-К. (2014). Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Праксис.

Волков В. В., Хархордин О. В. (2008). Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета.

Дриккер А. С. (2022) Третья память // Человек. № 1. С. 80–99.

Инглхарт Р. (2020). Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатиной. М., Челябинск: Социум.

Клюев А. И., Свешников А. В. (2019) Дискурсивная идентичность современного исторического реконструктора (на материале средневековых клубов исторической реконструкции) // Диалог со временем. № 66. С. 120–136.

Колесник А. С., Русанов А. В. (2022). «Наследие-как-процесс»: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // Вестник Пермского университета. История. № 3. С. 58–69.

Миллер А. И., Ефременко Д. В. (ред.) (2020). Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: акторы, институты, нарративы. СПб.: Издательство Европейского университета.

Минков М., Соколов Б., Ломакин И. (2023). Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой // Социологическое обозрение. № 3. С. 287–317.

Мочалова М. А. (2020). Как говорить о нематериальном культурном наследии? // Сибирские исторические исследования. № 2. С. 298–304.

Павловский А. Ф., Миллер А. И. (ред.) (2023). Память в сети: цифровой поворот в memory studies. СПб.: Европейский университет.

Сафронова Ю. А. (2018). Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. № 3. С. 12–27.

Уинтер Д. (2023). Места памяти, места скорби: Первая мировая война в культурной истории Европы / пер. с англ. А. В. Глебовской. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Филиппов А. Ф. (2023). Ценности и мобилизация: к динамике стерильного возбуждения // Россия в глобальной политике. № 1. С. 51–70.

Хальбвакс М. (2007). Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство.

Эшворт Г. Д. (2017). От истории к наследию – от наследия к идентичности: в поисках понятий и мод // Неприкосновенный запас. № 4. С. 154–171.

Agnew V., Lamb J., Tomann J. (eds) (2019). The Routledge Handbook of Reenactment Studies: Key Terms in the Field. L., N. Y.: Routledge.

Agnew V., Tomann J., Stach S. (eds) (2023). Reenactment Case Studies: Global Perspectives on Experiential History. L., N. Y.: Routledge, 2023.

Antweiler K. (2024). Memory as a Means of Governmentality // Memory Studies. Vol. 17. № 2. P. 137–154.

Berger S., Niven B. (2021). Introduction // *Berger S., Kansteiner W. (eds.) Agonistic Memory and the Legacy of 20th Century Wars in Europe.* Palgrave Macmillan. P. 1–16.

Berger S., Niven B. (eds.) (2020). *Cultural History of Memory in the Long Twentieth Century.* Vol. 6. L., N.Y.: Bloomsbury Academic.

Bozoğlu G. (2020). *Museums, Emotion, and Memory Culture: The Politics of the Past in Turkey.* Abingdon, N.Y.: Routledge.

Bull A. C., Hansen H. L. (2015). On Agonistic Memory // *Memory Studies.* Vol. 9. № 4. P. 390–404.

Frihammar M., Silverman H. (eds.) (2019). *Heritage of Death: Landscapes of Emotion, Memory and Practice.* N.Y., L.: Routledge.

Kansteiner W. (2020). Media and Technology // *Berger S., Niven B. (eds.) A Cultural History of Memory in the Long Twentieth Century.* Vol. 6. L., N.Y.: Bloomsbury Academic. P. 51–73.

Malksoo M. (eds.) (2023). *Handbook on the Politics of Memory.* Camberley, Northampton: Edward Elgar Publishing.

Smith L., Campbell G. (2017). ‘Nostalgia for the Future’: Memory, Nostalgia and the Politics of Class // *International Journal of Heritage Studies.* Vol. 23. № 7. P. 612–627.

Problems of Values in Memory and Reenactment Studies

Feodor Nikolai

Doctor of Letters (Philos.), Assistant Professor.

Senior researcher.

Lobachevsky State University (Nizhny Novgorod).

32 gagarina Prospect, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.

E-mail: fvnik@list.ru

Abstract. The article provides a comparative analysis of the “memorial boom” and historical reenactment value systems. It is proved that cartography of differences in the practices of commemoration is possible only at the intersection of the study of value orientations and the imposition of memory frames. The very concept of reenactment is extremely indicative for characterizing contemporary attitude towards the past: it marks a significant departure from the constructivist paradigm of memory studies, which is being replaced by a partial return to Rankean realism and at the same time (in the spirit of “post-truth”) a paradoxical recognition of the impossibility of such a return. This contradiction, as well as the ambivalence of the relationship between expert knowledge of the past and popular culture, which does not recognize the status of experts, is softened in the movement of historical reenactment due to a set of conventional rules that can vary depending on the situation. A fundamental feature of historical reenactment is weak reflexivity, which contributes to the displacement of ethical pathos and value-rational judgments of the 1980s-1990s “memory boom” by emotional-affective and traditional actions out of habit.

Keywords: memory studies, historical reconstruction, theory of practices, cultural studies, cartography of values

For citation: Nikolai F. V. (2024). Problems of Values in Memory and Reenactment Studies // *Patria.* Vol. 1. No. 1. P. 91–103.

REFERENCES

- Agnew V., Lamb J., Tomann J. (eds.) (2019). *The Routledge Handbook of Reenactment Studies: Key Terms in the Field*. L.; N. Y.: Routledge.
- Agnew V., Tomann J., Stach S. (eds.) (2023). *Reenactment Case Studies: Global Perspectives on Experiential History*, L.; N. Y.: Routledge, 2023.
- Antweiler K. (2024). Memory as a Means of Governmentality. *Memory Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 137–154.
- Artamonov D. S. (2023). *Mediapamjat' v jepohu cifry* [Media-memory in the digital era], Saratov: SGU im. N. G. Chernyshevskogo.
- Ashworth G. D. (2017). Ot istorii k naslediju – ot nasledija k identichnosti: v poiskah ponjatij i mod [From History to Heritage – From Heritage to Identity: In Search of Concepts and Models]. *Neprikosnovennyj zapas*, no. 4, pp. 154–171.
- Assmann A. (2014). *Dlinnaja ten' proshlogo: memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [Long shadow of the past: memorial culture and historical politics], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assmann J. (2004). *Kul'turnaja pamjat': pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Identity in Ancient Cultures], Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Berger S., Niven B. (2021). Introduction. *Agonistic Memory and the Legacy of 20th Century Wars in Europe* (ed. by S. Berger, W. Kansteiner), Palgrave Macmillan, pp. 1–16.
- Berger S., Niven B. (eds) (2020). *Cultural History of Memory in the Long Twentieth Century*. Vol. 6. L., N.Y.: Bloomsbury Academic.
- Bojm S. (2019). *Budushhee nostal'gii* [The Future of Nostalgia], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bozoğlu G. (2020). *Museums, Emotion, and Memory Culture: The Politics of the Past in Turkey*, Abingdon, N.Y.: Routledge.
- Bull A. C., Hansen H. L. (2015). On Agonistic Memory. *Memory Studies*, vol. 9, no. 4, pp. 390–404.
- Bourdieu P., Boltanski L, Kastel R., Shamboredon Zh.-K. (2014). Obshhed ostupnoe iskusstvo: opyt o social'nom ispol'zovanii fotografii [Public Art: An Experience about the Social Use of Photography], Moscow: Praksis.
- Driker A. S. (2022). Tret`ya pamyat [The Third Memory]. *Chelovek*, no. 1, pp. 80–99.
- Filippov A. F. (2023). Cennosti i mobilizacija: k dinamike steril'nogo vzbuzhdenija [Values and mobilization: towards the dynamics of sterile excitement]. *Rossija v global'noj politike*, no. 1, pp. 51–70.
- Frihammar M., Silverman H. (eds.) (2019). *Heritage of Death: Landscapes of Emotion, Memory and Practice*, N. Y., L.: Routledge.
- Halbwachs M. (2007). *Social'nye ramki pamjati* [Social frameworks of memory], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Inglhart R. (2020). *Kul'turnaja jevoljucija. Kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir* [Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world], Moscow, Cheljabinsk: Socium.

Kansteiner W. (2020). Media and Technology. *A Cultural History of Memory in the Long Twentieth Century* (ed. by S. Berger, B. Niven), vol. 6, L., N. Y.: Bloomsbury Academic, pp. 51–73.

Kljuev A. I., Sveshnikov A. V. (2019) *Diskursivnaja identičnost' sovremennogo istoričeskogo rekonstruktora (na materiale medieval'nyh klubov istoričeskoj rekonstrukcii)* [Discourse identity of the modern historical re-enactor (on the material of medieval clubs of historical reconstruction)]. *Dialog so vremenem*, no. 66, pp. 120–136.

Kolesnik A. S., Rusanov A. V. (2022). «Nasledie-kak-process»: diskussii o koncepte kul'turnogo nasledija v sovremennyh social'nyh i gumanitarnyh naukah [Heritage-as-process: the concept of cultural heritage in contemporary social sciences and humanities]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*, no. 3, pp. 58–69.

Malksoo M. (eds) (2023). *Handbook on the Politics of Memory*, Camberley, Northampton: Edward Elgar Publishing.

Miller A. I., Efremenko D. V. (eds.) (2020). *Politika pamjati v sovremennoj Rossii i stranah Vostočnoj Evropy: aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe: actors, institutions, narratives], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta.

Minkov M., Sokolov B., Lomakin I. (2023). Jevoljucija modeli kul'turnyh izmerenij Hofstede: paralleli mezhdru obektivnoj i subektivnoj kul'turoj [Evolution of the Hofstede Model of Cultural Dimensions: Parallels Between Objective and Subjective Culture]. *Sociologičeskoe obozrenie*, no. 3, pp. 287–317.

Mochalova M. A. (2020). Kak govorit' o nematerial'nom kul'turnom nasledii? [How can one speak of intangible cultural heritage?]. *Sibirskie istoričeskie issledovanija*, no. 2, pp. 298–304.

Pavlovskij A. F., Miller A. I. (eds.) (2023). *Pamjat' v seti: cifrovoj povorot v memory studies* [Memory online: the digital turn in memory studies], Saint Petersburg: Evropejskij universitet.

Safronova Ju. A. (2018). Tret'ja volna memory studies: dvadcat' tri goda protiv shersti [The third wave of memory studies: going against the grain for twenty-three years]. *Politicheskaja nauka*, no. 3, pp. 12–27.

Smith L., Campbell G. (2017). 'Nostalgia for the Future': Memory, Nostalgia and the Politics of Class. *International Journal of Heritage Studies*, vol. 23, no. 7, pp. 612–627.

Volkov V. V., Harhordin O. V. (2008). *Teorija praktik* [Theory of practices], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta.

Winter J. M. (2023). *Mesta pamjati, mesta skorbi: Pervaja mirovaja vojna v kul'turnoj istorii Evropy* [Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History], Saint Petesburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.